

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

И В А Н
К О З Л О В

ЧУЖОЕ ЛИЦО

Иван Трофимович Козлов

Чужое лицо

Серия «Русский детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63390038
Чужое лицо: роман / Козлов И.Т.: Центрполиграф; Москва; 2020
ISBN 978-5-227-09046-1

Аннотация

Очнувшись после аварии, Константин Кузнецов обнаружил, что у него новое лицо. Сбивший его бизнесмен поместил парня в частную клинику, где умелый доктор из кровавой мешанины сотворил чудо. Константин родился на редкость некрасивым, и это на долгие годы определило его судьбу изгоя, драчуна, члена банды грабителей и вымогателей. Теперь из зеркала на него смотрел привлекательный молодой мужчина. Новая внешность открыла перед Кузнецовым, больше известным по кличке Гнусавый, совсем другие, почти радужные горизонты. Константин решает начать новую жизнь с того, чтобы расплатиться по старым долгам, и неожиданно для себя становится помехой буквально всем: криминалитету, правоохранителям, спецслужбам...

Содержание

Часть первая

4

Конец ознакомительного фрагмента.

76

Иван Козлов

Чужое лицо

Часть первая

Чужая роль

1

Я умер в четверг, ближе к вечеру.

Это произошло крайне просто. Я крутил педали по Третьей Сигнальной – кто знает, тот может подтвердить, что на этой улице даже среди бела дня коты могут любовью заниматься, ничто их не потревожит. Перерытая, в щебне, штырях, трубах, канализационных дырах, она, скорее всего, с расчетом на котов и существовала. Мало-мальски уважающий себя жигуленок устыдился бы показаться здесь. Ну разве что какой-нибудь заблудившийся водила, чумая от слабомной трассы, пугливо спрашивал редких прохожих: «Как отсюда быстрее выбраться?»

На велосипеде – и то не просто проехать: руль из рук вырывается.

Я ехал на велосипеде.

Заблудившийся водила вылетел из-за домов на Третью Сигнальную и не успел никого ни о чем таком спросить, как ударил меня бампером по переднему колесу. И я воспарил над котами, трубами, над своей двухколесной машиной и чужим серым «вольво». О чем я думал в эти секунды? О камикадзе. Японцы вот так же глядели вниз и ждали, что их вместе с самолетами сомнет, исковеркает земля. Я был без самолета. Я вошел головой в гору бордюрного камня и услышал, как лопается кожа на лице, как вывертывается в сторону затылка нос. Еще я удивился, что не чувствую никакой боли. Продолжаю соображать, дышать, продолжаю видеть всё, только почему-то через красное стекло. Нет, «всё» – это громко сказано. Я видел лишь лицо женщины, красивое такое лицо, аккуратные губки, голубые большие глаза, белые, как и положено к голубым глазам, волосы. Не спрашивайте, почему через красное стекло я понял, что у ангела белые волосы и голубые глаза. Понял, и точка. Я даже успел услышать ее голос. Она смотрела на меня и пела: «Ой ли, ой ли...» Голос этот затихал, красное стекло мутнело, мутнело, стало наконец непроглядным, и в этот миг показалось, что я опять воспарил.

2

Так я понял, что умер. Потому что когда пришел в себя и мне показали зеркало, то увидел в нем совсем другого чело-

века. Человека, которого я не знаю. Так, наверное, бабочка не узнает свою куколку.

Какой я был раньше? Тяжелый кривой подбородок, достойный только его широкий бараний нос... Урод! От меня не только девчонки – от меня старухи шарахались, крестили в спину, как юродивого. Я думаю, мать с легким сердцем выпроводила меня из дому – на житье к бабушке – тоже поэтому. Ей, одинокой, надо было устраивать свою судьбу, а я пугал своим видом гостей. Легко ли это осознавать, когда тебе двадцать? Когда на медкомиссии слышишь шепот врачей: «Ну, если таких в армию призывать начнем...» Легко, думаете?

Признаюсь честно, когда я начал приходить в себя, слышать голоса, видеть серые трещины на потолке, когда начал осознавать, что выкарабкался с того света, я пожалел об этом. И жалость была до того огромной, что два горячих гейзера ударили из глаз и потекли кипятком по щекам. Руки мои оказались спеленаты бинтами, и невозможно было вытереть слезы.

Надо мной наклонился человек в белом, на миг отвернувшись, сказал кому-то:

– Новокаин, – потом уже мне: – Сейчас полегчает. Если Светлана со шприцем до вашей задницы доберется. Попробуйте чуть повернуться, а? Пробуйте, уже надо шевелиться. Ну-ка, поворочайте челюстями. Как вас зовут?

– Костя, – сказал я и услышал свой голос на удивление отчетливо. Захотелось еще хоть что-то произнести. – Где я?

Белый человек сделал вид, что обиделся:

– Интересный вопрос. Думаете, вас в автомастерской могли бы собрать? Там же вечно запчастей не хватает. А без запчастей... Я вам лицо лепил по наитию, так что, вполне возможно, другая модификация получилась. Но тут уж извините: в спешке работал. Хотите взглянуть, что в итоге вышло?

Так я увидел себя в зеркале. Увидел, закрыл глаза, почувствовал укол шприца. Тотчас захотелось спать. Мысли разбежались, осталась только одна, пульсирующая вместе с кровью в висках: «Господи, хоть бы это не было сном, Господи...» Я, наверное, долго спал, а она все пульсировала и пульсировала. Потом глаза открылись сами, но ничего не увидели. Я испугался, что и врач, и зеркало мне померещились. Застонал, кажется, громко. Потому что слева раздался сонный голос:

– Сейчас, сейчас, сестру позову. Держись, парень.

– Не надо. Зеркало дайте.

– Ишь ты, бред начался. Сейчас сестру позову.

– Да все нормально, зачем сестра? Я зеркало прошу. Есть?

– Ты что, парень, офонарел? Три часа ночи!

– Ну и что! Дайте зеркало.

Зажегся желтый абажур настольной лампы, скрипнула дверца тумбочки.

– Бритвенное, маленькое. Сойдет?

Теперь я увидел говорившего. Голый блестящий череп, зеленоватые глаза, чуть выпяченная нижняя губа. Ему лет сорок пять, может, чуть больше. Пальцы на руках короткие, но крепкие. Ногти ухоженные, блестящие, как бы бесцветным лаком покрытые. Они будто чужие на мужицких пальцах. Пальцы эти сейчас прямо перед моими глазами обнимают бритвенный футляр, в крошечном зеркальном окошке которого я вижу то нос, то глаза, то губы – тонкие, как нарисованные, швы. Швов много. Не лицо, а крышка футбольного мяча. Неплохая крышка.

– Ты не дрейфь, парень. Илья Сергеевич свое дело знает. В кино скоро сможешь сниматься, играть красавцев любовников. – Лысый рассмеялся добродушно, необходимо и тем же тоном спросил: – У тебя, парень, телефон дома есть? Позвонить бы, сказать, что жив-здоров. Твой-то сотовый, скорее всего, потерялся или разбился, так что попользуйся моим. Ведь сколько дней лежишь, родные небось на ушах стоят. Женат?

Я покачал головой и ответил на оба вопроса сразу:

– Некому звонить, некому, – и прислушался к голосу. С ним что-то произошло. Это я еще днем заметил, когда врач заходил. У меня с рождения искривлена носовая перегородка, потому меня и в школе, и сейчас, на работе, звали Гнусавым. – Я в Москве живу сам по себе.

Господи, нормальный чистый голос!

– Ясно. Студент, скорее всего. Так?

Мне ужасно хотелось говорить, но я промолчал. После одиннадцатого класса я хотел поступить в театральный, я о театрах много читал, выискивал все, что было напечатано о режиссерах и артистах, но когда пришел на вступительные экзамены... Когда пришел...

Никогда не забуду этого пухлого радостного мордоворота. Он стоял в толпе абитуриентов у входа в институт, осмотрел меня вылупленными глазками с головы до пят и сказал уже в спину, когда я поднимался по ступенькам: «Конечно, такого примут. Все роли идиотов его будут». И заржал. Хихикнул еще кто-то из девчонок, но остальные промолчали, буравя мою спину взглядами, кто жалостливыми, кто любопытными. Я научился чувствовать спиной взгляды.

На экзамены я не пошел. Слонялся часа три возле института, так, чтобы все время держать в поле зрения желтые огромные двери и мраморные ступени, поднимающиеся к ним. Потом, смешно вспоминать, как шпион, прикрываясь газетой, долго топал по улицам за мордоворотом. Все боялся, что он спустится в метро или запрыгнет в троллейбус. Но мордоворот, теперь уже с несчастными красными глазами, видно, не спешил домой, чтоб не огорчать родителей, а слонялся по скверу, ел бутерброды, пил пепси – я бы одурел от такого количества еды, а он все усаживался и усаживался за белые пластмассовые столики летних уличных кафе. Злость на него к вечеру уже было совсем прошла, и я почти дружеским тоном поинтересовался, догнав парня на зеленой, в

подстриженных кустарниках, аллее:

– Ну и что, от ворот поворот?

Тот посмотрел на меня почти с ужасом. Животный страх был в его глазах. Значит, он соображал, гад, о чем говорил там, возле института. И я не сдержался. Я ударил его всего два раза: под дых и тут же – в челюсть. И все. Лежачих не бьют. А встанет он нескоро, за это можно было поручиться.

Топающие в нашем направлении два мужика быстро свернули и прошли прямо по газону на другую аллею. Любовная парочка вспорхнула с ближайшей скамейки и стала стремительно удаляться. Молодая мамаша с коляской замерла, настороженно вцепилась в меня глазами и двинулась с места, лишь когда я прошагал мимо. Я слушал, как мелко застучали ее каблучки по асфальту...

В общем, не был я студентом. Но говорить об этом соседу по палате не хотелось. Как и о том, что я никогда не имел сотового телефона. Это тяжело для психики: иметь его при себе и знать, что никто тебе не позвонит, никому ты не нужен. Да и мне звонить некому.

Я прикрыл глаза. Желтая настольная лампа потухла.

Илья Сергеевич, о котором упомянул ночью мужик с ухоженными ногтями, действительно оказался врачом. В чем я не разбираюсь, так это в медицине, и мне не совсем понятно, почему надо с трепетом в голосе говорить о том, что тридцатилетний эскулап одновременно и хирург, и косметолог,

и терапевт. А сосед по палате говорит об этом именно так: с восхищенным придыханием.

Я работаю в автосервисе. Я умею водить машины, с закрытыми глазами разберу и соберу любой двигатель, отрихтую кузов, закрасу на нем любую царапину так, что уже не найдешь ее следа. Потому мне кажется, что и врач, если он хороший врач, обязан делать всё.

– Он – гений. – Федор Савельевич, так зовут моего однопалатника, сидит на кровати и драит надфилем ногти на ногах. Я уже свободно кручу головой, вижу это, и волосатые ноги с полированными ногтями вызывают во мне булькающий смех. Хорошо, что Федор Савельевич принимает его за кашель. – Это я точно тебе, парень, говорю: гений. У них, на Кавказе, медицина как в Китае: тысячи лет насчитывает. У Ильи Сергеевича и прадед, и дед, и отец врачевали. Прадед – тот еще в горах жил, в селении каком-то. Знахарством так славился, что царь разыскал его и перевел в Москву...

Фамилия нынешнего продолжателя такого славного рода – Бабашвили. Грузин. Большие темные глаза, волосы короткие, вьющиеся, треугольник усов, смугловатая кожа. В палату он заходит редко, но лично мне очень хочется, чтоб это было чаще. Со мной говорит на «вы». Я мало общался с теми, кого называют интеллигентами. А тут – красивая речь, мягкая улыбка. Даже слово «задница» в его устах приобретает вполне нормальное значение, нет в нем ничего постыдного.

– Показываем задницу, Федор Савельевич... Ну что, через пару месяцев останется только легкий шрамик, через год и следов его не будет. Рекомендую все же задержаться у нас еще на неделю. Светлана! – Врач поворачивается к высокой красивой девочке в очках с тонкой золотой оправой. – Крем и массаж, массаж и крем. Это – главное. Остальные процедуры тоже не отменяются, прошу, проследите за ними.

Света сделала заметку в блокноте.

Теперь Бабашвили останавливается возле меня. Сцепленные пальцы на уровне груди, веселые миндалевидные глаза.

– А вы – вы сядьте. Светлана, помогите ему сесть, подложите подушку. Вот так. И никакой боли, ничто не тревожит, да? Все бинты снимем завтра, благо косточки ваши целы, только ткани порваны, но они пусть дышат. Голова побаливает? Вот ей, конечно, досталось. Там скобки и склейки... Но не переживайте: все рубцы рассосутся...

Илья Сергеевич насчет меня Светлане не сказал ничего, зашагал к двери и лишь у порога остановился:

– Да, я вас очень изменил? Понимаете, работал в спешке. Но теперь вы живы, и мы без суеты все поправим. Только фотографию свою, в пределах годовой давности... Постарайтесь, чтоб она была у меня, ну, скажем так, через неделю. Займемся косметикой.

– Нет! – Мне показалось, что я сказал это очень поспешно. – Нет, – повторил уже спокойней. – Я доволен своим лицом. Ничего в нем не надо менять.

– Вот и прекрасно! – Опять мягкая улыбка. – Значит, интуиция меня не подвела. Хотя мог ошибаться. Лицевые травмы были серьезные. Потому и прошу фотографию. Я ведь и наукой немного занимаюсь. Вы не против, чтоб о вас написали? Не в прессе, естественно, а в серьезном, надеюсь, научном труде.

Он не стал дожидаться ответа и вышел.

Разве он мог хотя бы предположить, что обо мне уже писали, и не где-нибудь, а в солидных московских газетах...

Я эти публикации наизусть выучил. Первая называлась «Дерзкое ограбление».

«Вчера среди бела дня, – говорилось в ней, – ограблен один из столичных ювелирных магазинов. Для Москвы, к сожалению, это уже стало рядовым явлением. Все произошло как в плохих гангстерских фильмах. В обеденный перерыв пятеро в масках, с пистолетами в руках, по-хозяйски, не суетясь, вошли в магазин, перепрыгнули через прилавок и стали собирать в сумку все, что видели их глаза. А глаза, как оказалось, видели не так уж и мало: по предварительным подсчетам, ценностей похищено более чем на тридцать миллионов рублей. Директор магазина господин Балуш был в это время дома, на больничном, и в магазине на момент ограбления находились лишь две девушки-продавицы. Они так перепугались, что толком ничего не могли рассказать прибывшему наряду полиции. Во всяком случае, один из сотрудни-

ков правоохранительных органов прокомментировал их поведение так: „Работники прилавка дают очень путаные показания. Они не запомнили даже того, как были одеты воры, что говорили между собой, все ли были вооружены. Или от страха все забыли, или...“ На этом офицер прервал свою фразу, и нам остается только гадать, что он имел в виду».

Не все газеты врут. Репортеры просто не знали, что у троих из четверых налетчиков были не пистолеты, а только болванки, которые я сам и сделал. По форме – вылитые «стечкины», а по сути – муляжи. С настоящим «макаровым» был только Макс, но я этого тогда не знал. Мы же договаривались, что стрельба исключена. Ее и не было. Мы вошли в магазинчик, грохнули витрину, наскоро пересыпали все ее содержимое в спортивную сумку, туда же побросали коробочки, попавшиеся на глаза. И все. Девочки-продавщицы выстукивали зубами дробь под нашими стволами. Я вышел из магазина первым с этой самой спортивной сумкой, у двери сорвал с головы чулок – гадкий какой-то чулок попался, я чуть не задохнулся (носом, из-за своей дурацкой перегородки, дышать не мог), может, поэтому и сбивалось дыхание. А может, так дрейфил? Хотя не с чего было дрейфить: я в последнее время каждый день ходил в этот магазин и не хуже продавщиц знал, когда здесь меньше всего посетителей, когда на стеклянную дверь вывешивается табличка «Обед», когда включается телевизор и девочки начинают смотреть оче-

редной сериал. Я к нескольким магазинам так присматривался, но выбрал этот...

Итак, я первым, значит, вышел на улицу, сунул чулок в карман, перебросил сумку с кольцами-брошками через плечо, свернул за угол, сел в оставленную мной же здесь машину, ударил по газам...

Вот и все. Тем же вечером, как мы и договаривались, приехал к Макс, тот забрал сумку, рассказал, что все прошло по плану, без сбоев, все наши разошлись в разные стороны, собираться пока не надо, и товар делить пока не надо, потому что есть на примете оптовик, готовый выложить солидную сумму. А если делить, то кто-нибудь обязательно засветится: ментам ведь известно, что именно надо искать у промышленяющих на барахолках золотом и камешками.

Макс не дурак, с ним нельзя было не согласиться, и потом, ведь это он подал нам самую идею...

В общем, легли на дно. Я лишь из газеты узнал, на какую сумму мы нагрели ювелирный. Впрочем, деньги меня не тревожили. А вот сам факт, что все вышло, как задумывалось... Гнусавый, Гнусавый... Если кто-то думал, что я способен только морду от людей воротить, тот ошибался! «Полиция ищет... Пока без результатов...» Так писала газета. И результатов этих не будет – в этом я уверен!

Макс собрал нас всех в пятницу утром. Сказал, что золото пока не сбыл, что дело это серьезное и торопиться с ним не следует, что каждый получит лимонов по пять, выставил на

стол бутылку коньяку и шоколад:

– Много не пьем, завтра одно дельце провернем – выручим еще столько же. А дельце – вообще пустяк...

Дельце предстояло такое: у одной богатенькой четы изъять на время их чадо – дочь, студентку-первокурсницу. «Ее отец миллиардами ворочает, сколько запросим, столько и даст.

В полицию? Не сунется. И рыльце в пушку, и за дочь поборется. Я, когда буду звонить и ставить наши условия, так его припугну...»

Макс уже все, оказывается, обдумал. Нашел квартиру, где можно упрятать «дорогую» студентку, наручники, изучил ее маршрут: в институт ее отец возит, а назад она сама добирается. Лекции в субботу заканчиваются в шестнадцать, к этому времени надо припарковаться недалеко от метро. Машины должен взять я, опять из тех, которые находятся в ремонте на станции техобслуживания. Сам Макс будет прогуливаться по тротуару, укажет девочку Саньку, Санек пристроится за ней, в нужный момент оттеснит к машине, мы ее подхватим, увезем... А Макс останется: покрутится там, чтоб узнать, что усекла публика, постарается сбить любопытных с толку. «Я это умею. Если кто охать начнет, скажу, что знаю эту девку, что ее муж в машине... Придумаю что-нибудь».

Всё прошло по задуманному. В субботу в семнадцать часов мы доставили студентку Лолу Примакову в нужную квартиру, пристегнули «браслетиком» за руку к трубе парового

отопления. Еще через час сюда же прибыл Макс, сообщил, что все сработано чисто, никто на нас не обратил внимания, что он уже позвонил Примакову, сообщил свои условия, тот их принял безоговорочно, лишь просил, чтоб ничего не произошло с дочерью.

– Кстати, как она?

Мы пожали плечами: посмотри, мол, сам.

Прошли в ванную комнату. У девицы были ошалевшие глаза, она непонимающе хлопала ими и молчала. Вообще ни слова не произнесла, даже рта не открыла, только подбородок мелко дрожал все время.

– Может, она глухонемая, Макс?

– Нервный шок. Пройдет. Будем по очереди дежурить возле нее, и не дай Бог кто хоть пальцем... Поняли? Студентка, как нефть для страны, – наше богатство. – Он засмеялся. – Еда для нее и дежурного в холодильнике. Что еще? Зазвонит телефон – трубку не поднимать, ни на какие стуки дверь не открывать. Вот листок, на нем записано точное время, когда мы будем тут сменять друг друга и когда сюда стану звонить я. Даю каждому по ключу от входной двери...

Еще Макс сообщил нам, что миллиардер отдаст ему деньги в воскресенье.

– Как это осуществить – еще не продумал. Ты что посоветуешь, Гнусавый?

Вообще-то, он всегда звал меня по имени, но тут, видно, задумался о своем и ляпнул не то, что хотел.

– Извини, Костя... Ты у нас светлая голова, что предложишь?

Ладно, Гнусавый так Гнусавый. Извинения принимаю, но запомню. А пока спасибо хоть за то, что голову мою тут ценят.

– Назови ему сразу пять-шесть точек, куда он поочередно должен подъехать с деньгами. Называй их минут за пять до того, как он должен выехать из дому. Пусть везде ждет по минуте. Деньги возьмешь на второй точке.

– Почему на второй, а не на первой или шестой?

Я пожал плечами:

– Трудно объяснить. Наитие у меня, Макс.

Девчонку мы должны были выпустить в воскресенье же вечером. Завязать ей глаза, отъехать подальше от дома...

Но случился прокол. Дурацкий прокол! Миллиардер не дал денег. Не потому, что ему наплевать на дочь, – как раз наоборот! Дочь его, Лола Примакова, благополучно переночевав у подруг или приятелей с субботы на воскресенье, объявилась дома.

В пустующей же квартире сидела прикованная наручниками к трубе другая девочка. Она уже очухалась, начала говорить, называла себя Настей, но мы, ничего еще не зная о возвращении в семью Лолы, лишь посмеивались: давай, мол, придуривайся!

Макс позвонил в установленное время, сказал, что все срывается, только это сказал, ничего не пояснил – и прика-

зал стеречь нашу пленницу и дальше. Весь понедельник он не объявлялся, во вторник я купил газету и увидел новую заметку о себе. Короткую заметку на первой полосе. Мол, бандиты замыслили похитить человека с целью выкупа, перепугали родителей, но, как оказалось, это была лишь чья-то шутка: кто-то из знакомых студентки Л. решил разыграть ее предков...

Макс приехал к обеду. Таким злым мы его не видели. Хотя если на кого ему и надо было злиться, то лишь на себя.

– Платье точно такое же, понимаете? И рост, и волосы... Я ведь Примакову всего пару раз и видел, а эта похожа, честное слово, похожа! Так фраернуться! Но этот гад все же сообщил в органы! Газету видели? Сообщил! Я накажу его!

– Стекло из рогатки выбьешь? – спросил я.

Он зверем зыркнул на меня:

– Ты молчи... Ты вообще... – осекся, подавил гнев.

– Что я? Я тут при чем?

– Ладно, это я так, сгоряча. А насчет рогатки – ты зря. Думаешь, я с пугачом детским в ювелирном был? На, смотри.

Он вытащил пистолет, отсоединил магазин с патронами и протянул мне. Это был настоящий «макаров».

– Ну-с, показываем задницу, Федор Савельевич!

У Федора Савельевича с данным местом проблема: фурункул там у него вскочил. Все бы ничего, пересидел бы Федор Савельевич свою болячку на одной ягодице, пока та са-

ма собой бы не созрела и завяла, да так получилось, что повстречал он, вдовец, женщину... Нет, не женщину – богиню, которая делит с ним пока ложе, но готова и хозяйкой въехать в его квартиру. Ей чуть больше двадцати, участница конкурса красоты, подрабатывала натурщицей, манекенщицей, в стриптиз-баре. Там ее и заприметил Падунец – такова фамилия Федора Савельевича.

– Я ей даже не признался, по какому поводу в больницу лег. Она считает, у меня что-то серьезное, переживает. – Он довольно хохотнул. – Ты, парень, думаешь, раз она при людях раздевалась, значит, сучка, да? Не надо так думать. Просто жизнь ее ломала. Как когда-то меня...

Он прищурился, задумавшись, и его округлое лицо стало жестким, появились ранее незаметные морщины. У Падунца теперь очень аккуратная прическа. Настолько аккуратная, что просто угадывается: это парик.

Падунец говорит о себе коротко: предприниматель. Есть кое-какие средства, и скоро он начинает маленький бизнес: открывает станцию техобслуживания. В двигателях, правда, мало что понимает, но зато умеет решать кадровые вопросы. В Москве подобных станций уже что грибов, конкурировать с другими можно только качеством работы. Лучшая реклама – отзывы клиентов. Потому нельзя скупиться, надо приглашать лучших мастеров.

– Это точно, – соглашаюсь я. – У нас в мастерской от этого очереди.

– Так ты что, тоже в системе автосервиса? Не слыхал, есть, говорят, в столице такой феномен – Гнусавый? Парень – золотые руки, машины лучше новых становятся. Переманить бы его. Я б ему отвалил...

– Сколько? – спросил я.

Федор Савельевич не задумываясь назвал сумму, впятеро превышающую ту, что я имел.

– Я ему передам.

– Что, серьезно? – подпрыгнул на кровати сосед. – Слушай, если он будет торговаться, я добавлю, честное слово. Он, говорят, так с красками работает! Сейчас сам знаешь, как к царапине на приличной машине хозяева относятся. Царапина – удар по престижу, и краска не в масть – удар. А у него, говорят, всегда в масть. Я парню условия создам – только работай! Как думаешь, согласится?

– Согласится, – заверил я.

Заверил потому, что вспомнил свою мастерскую, своего шефа. Он там сделал комнату для утех, где было все. Баб водил табунами, тер им спины под душем, а мне негде было толком руки помыть. «Тебе на женщин не тратиться, а на водку хватит», – говорил в дни получки. Я вообще-то догадывался, что это я его кормлю, что это не к нему, а ко мне выстраивается очередь, но что мне было делать? Я не умею качать права. Тем более что на водку действительно хватало, больших денег мне никто не предлагал, а женщины мне были не нужны. Страх у меня перед женщинами. Я заметил,

как быстро отводят взгляды те, кто видит меня впервые. Это – от брезгливости к моему уродству. И я гнал от себя даже сны о красавицах. Потому что во снах они кричали, завидев меня...

Сняли бинты, я начал ходить. Первым делом, естественно, к большому зеркалу, в ванную. Сине-желтые пятна, кровоподтеки, неровные швы – вот главные приметы лица, но оно мне все равно нравится. Это лицо человека, а не гориллы.

Вышел из палаты. Просторный коридор с пальмами, мягкими кожаными диванами, в фойе – ковры, телевизор. Всего на моем втором этаже – восемь палат, двенадцать больных. Первый этаж – спортзал, бильярдная, бассейн, библиотека. Вокруг нашего двухэтажного особняка – высокий забор, по ту сторону его лес, по эту – клумбы, аллеи, крошечное озеро с японскими карасями, беседки, увитые плющом. В одной из них, что рядом с озером, сидит в спортивном костюме женщина, на плечи спадает волна длинных рыжих волос. Бросает рыбкам крошки хлеба, те ловят их у самой поверхности воды. Я старательно опускаю голову, хочу как можно быстрее пройти мимо.

– Вы новичок?

Делать нечего, приходится останавливаться.

– Дурацкий вопрос, да? Просто хочется с кем-то поговорить. Здесь все полковники да полковники, а мне бы с гусаром поамурничать.

– И среди гусаров есть полковники, – говорю я, но пре-

красно понимаю, что имеет в виду рыжеволосая. Клиенты Ильи Сергеевича, не считая меня, пенсионного возраста, самый молодой – Федор Савельевич.

– Да? Но вы ведь понимаете, о чем я... – Следует пауза, я совершенно не знаю, как ее прервать, и молчание нарушает женщина. – Боже, такое лицо – и так попортили!

Испарина мгновенно покрывает лоб. Опять страх. Что она хочет этим сказать?

– Извините, ну вот такая я бестактная. Хотя и знаю, что шрамы украшают мужчину... И вижу это... Не курите?

– Курю, но... – ответил я и пожал плечами.

– Знаю. Вы попали сюда прямо с места аварии, вы студент, родственников в Москве нет. – Она протянула пачку сигарет. – Берите, берите, только гусары денег не берут. За любовь. – Звонкий молодой смех. – Вас зовут Костя, да?

Я кивнул.

– Бедненький. Вам так трудно разговаривать, а я пристаю со своими расспросами! Вы молчите. Присаживайтесь рядышком и молчите. Я за двоих говорить буду. Я, как и всякая женщина, очень болтлива. Меня Вика зовут. Я здесь сжигаю жиры. Понимаете? Гонять меня некому, вот и растолстела. Но в развалюхи-то рано записываться. Вот и решила похудеть, покрасиветь, начать новую жизнь. Мне не поздно начинать новую жизнь? С романами, вином, с безумным блеском глаз, а? Молчите, Костя, молчите, это я сама у себя спрашиваю.

Далекий гул машины. Тут они реже самолетов слышны. Мы с Викой невольно смотрим на калитку. Двое, мужчина и женщина, показываются на аллейке, идут к корпусу.

– Это к вам, – говорит Вика, но я уже и сам понимаю, что ко мне. Блондинка с голубыми глазами. Никакой не ангел, никакое не видение: белый блузон, белые брюки, точечная фигурка. Все остальное все-таки от ангела: воздушность и неземная красота. Ее спутник достоин того, чтобы идти рядом. Высокий, плечистый, одет безукоризненно. Положительный герой-красавец из западного боевика. Я приподнимаюсь со скамейки, Вика вспархивает, тихонько тронув меня за плечо:

– Пообщайтесь здесь, не буду вам мешать. Но мы еще встретимся?

Белый полуангел замечает меня, неуверенно улыбается:

– Вы Константин? Простите, я видела вас дважды, но при таких обстоятельствах... А сегодня Илья Сергеевич позвонил и сказал, во-первых, как вас зовут, а во-вторых, что бинты сняли. И мы вот решили...

Она поворачивает голову к герою-красавцу, словно приглашая его вступить в беседу, но тот молча крутит на пальце желтую цепочку. Он, наверное, рыбак. Сейчас его интересуют только караси в озере.

– Как вы себя чувствуете, Костя? – Это опять она. – Илья Сергеевич говорит, что вам дико повезло, что вы ушибами отделались.

Почему-то резануло слух слово «дико». Воздушные создания не должны говорить языком смертных. Но то, что приехала, что беспокоится...

– Мне повезло, – говорю я. Вспоминаю себя дооперационного и продолжаю: – Спасибо вам за все.

И тут же соображаю, что слова мои поняты женщиной как насмешка. Она поджигает губки, опускает глаза:

– Мы понимаем, понимаем... Давайте присядем. Вот что, Костя... Кстати, меня зовут Эмма, его – Толик.

Толик никак не реагирует на ритуал знакомства. «Толик. То-лик...» Вот что, оказывается, пела блондиночка на красном фоне: «Ой ли, ой ли». Это она имя его произносила.

– Значит, так, Костя. Я не буду от вас ничего скрывать. Мы с Толиком должны скоро выехать за границу, в командировку, и нам бы очень не хотелось, чтобы возникли какие-то конфликты с полицией, понимаете?

– Вы не виноваты, – говорю я. – Это я ехал, не соблюдая никаких правил. Я просто не ждал, что на такой улице появится машина. И если полиция будет спрашивать...

– Костя, полиция не будет спрашивать, если вы сами не заявите.

– Да я бы и не заявлял, я же даже номера машины не видел!

Цепочка тихо звякнула, улегшись на ладонь парня. Он взглянул на Эмму и качнул головой. «Говорил же я тебе...» – прочел я этот жест.

– Мы ведь не убежали с места аварии, – продолжила Эмма. – Мы оказали вам первую помощь, привезли сюда, договорились с Ильей Сергеевичем... Я это к тому, что надо все решить благородно...

Господи, если бы она догадывалась, что и так совершила благородный поступок. В старой своей жизни я готов был сам броситься мордой на бордюрные камни.

– Вы студент, да?

Я неопределенно пожал плечами, и Эмма это поняла по своему:

– И подрабатываете где-то, наверное. А теперь физических нагрузок, врач сказал, вам месяца два-три придется избегать. В общем... Только без обид, хорошо? Толик!

Толик достал из куртки бумажник, молча протянул женщине.

– Я думаю, мы разойдемся с миром и не испортим отношений. Это вам. Если потребуется еще какая помощь, здесь, внутри, визитная карточка. Звоните.

Они ушли не оглядываясь.

В кошельке лежали пятитысячные купюры. Я даже не пересчитывал их, отложил это занятие на потом. Просто отметил, что кошелек тугой.

Пересчитал деньги лишь вечером, когда остался один в палате (Федор Савельевич умчался в беседку на свидание с невестой). Сто тысяч. Неплохо. Выходит, можно подраба-

тывать, бросаясь с велосипедом на бамперы проезжающих машин. А я чуть не свалил дурака, когда не соглашался в тот день приехать на работу на велосипеде. Это меня Макс уговорил, чтобы я во вторник покрутил педали. Мне до моей автомастерской – четыре остановки на троллейбусе, какого черта буду я таскаться с велосипедом? Но Макс настоял: «Нужно, очень нужно. Потом объясню». Попросил, чтобы после работы я заехал к нему.

Там уже все наши были в сборе.

– Я договорился с оптовиком, что мы ему опытную, так сказать, партию сегодня подвезем. Он человек умный, рисковать не хочет. И ты, Костя, на драндулете поедешь по Третьей Сигнальной до старого универсама. Там есть киоск Союзпечати, он не работает, коробка одна, и у этого киоска должен будет стоять плюгавенький такой мужичок. Он тебя по велику опознает, а ты его по плюгавости.

Макс вытащил из стола красочную конфетную коробку, раскрыл ее:

– Смотрите все, чтоб без дураков. Кольца, перстни, цепочки...

– Да ладно тебе.

– Ну и хорошо.

Он завернул коробку в одну газету, потом во вторую, крест-накрест перевязал веревкой.

– Закрепишь на багажнике и... А пока давайте по пять капель. Колбаса, хлеб, минералка. – Он стал вытаскивать про-

дукты из своего портфеля, раскладывать их на столе. – А конфетная коробочка пусть пока в столе полежит...

Выпили по одной, по второй хорошего коньяку из маленьких хрустальных стопок. Поразмышляли о том, что делать с пленницей. В принципе она о нас ничего не знает, доверительных разговоров мы при ней не вели, можно усадить ее в машину, поплутать по городу и выпустить. А можно попытаться узнать, чья она дочь. Авось и с нее навар получим.

– Я поговорю с ней по душам, – сказал Макс. – Все спокойненько выведаю... Но завтра. Сегодня, Санек, ты с ней побудешь здесь – никакого хамства, предупреждаю! А Костя прямо сейчас поедет к оптовику.

Конфетная коробка, завернутая в газеты, перекочевала из ящика стола в мои руки.

– Он мне за нее деньги должен дать, да?

– Кто? – непонимающе взглянул на меня Макс. – Ах, ты вот о ком. Нет, он тебе ничего не даст. – И Макс почему-то заулыбался. – Ничего не даст. Деньги потом будут. Езжай.

Так я очутился на Третьей Сигнальной улице. До старого универсама оставалось проехать полтора квартала, когда на меня вылетел серый «вольво».

Падунец сидел у окна и философствовал на тему, что никогда не поздно начинать новую жизнь. Дело даже не в том, что он создает новую семью. В другом дело. Он, Падунец, все годы мечтал быть материально независимым. Тяжелыми пу-

тями шел к этому. На воле – руду мыл, в неволе – лес валил. Было такое. Потому что законы наши не допускали, чтобы человек был независимым. Ни в финансовом, ни в других планах. Законы ковали из человека раба, уничтожали его как личность. Надо было их обходить...

– Я не слишком сложно говорю?

Федор Савельевич говорит не сложно, даже малость топорно, но доходчиво. Пусть никого не волнует, как он добыл первоначальный капитал. Тут одно сказать можно: никого не убивал, крови на деньгах нет. Добыл – и все тут. Потом рискнул, вложил всю сумму в одно дельце, получил сумасшедший навар, такой, что и сам не ожидал. Жадность не сгубила, вовремя остановился, снял все деньги, нашел для них уже новые обороты и ни разу не ошибся.

– Теперь вот, парень, будет у меня свое дело. Без всяких случайностей жить начну.

Хватит случайностей! Налоги – и те до копеечки пусть у меня высчитывают, на хитрости не пойду. Буду платить и получать. И знать, за что плачу и за что получаю. Ты мне Гнусавого найдешь?

Мы сидели в палате и пили водку. Врача, Илью Сергеевича, волновали только наши болячки, всего остального он как бы не замечал, и больничного режима как такового тут не было. Да и зачем он в маленькой платной больнице, где лежат вполне зрелые и соображающие люди?!

К тому же для питья был повод: Федор Савельевич, зале-

чив задницу, ждал, когда за ним придет невеста и увезет домой. Он и поставил отходную. Коньяк не пил, терпеть не мог: «Уже не перестроюсь, хоть и надо бы для антуража. Вырос ведь на беленькой». Водка была хорошая, «Кремлевская», она-то и развязала мне язык.

– Я никого искать не буду. Кто мне эту кличку дал – узнаю, поговорю с ним. Я тот человек, которого вы ищете, я, понимаете?

– Ты – Гнусавый?

– Покончено с Гнусавым. И вообще со всем покончено. Я тоже начну новую жизнь.

– У тебя, парень, и старой еще за плечами не было.

– Ну да!

– Ладно, это не мое дело. Ты приходишь ко мне? Не обижу, даю слово! У меня знаешь какое слово?! Железо! Мы с тобой, парень, такой сервис организуем! Ну какой только можно! Чего тебе надо для этого?

– Набросать на листке? – Я потянулся к авторучке.

– Нет, по пьянке ничего не надо делать. Запиши лучше мой адрес, телефон и, когда выпишешься – приезжай.

Синяки сходили с лица быстро, Бабашвили накануне мне сказал, что дня через четыре я, если очень того хочу, могу уехать домой.

– Потом приедете, вынем у вас скобочку из скулы, кое-что подшлифуем... Но повторяю, это если вы очень хотите от нас уехать. Я бы не советовал. Побудьте здесь еще недели

две до конца лечения.

Меня страшно тяготило безделье, я не привык валяться просто так, даже этот рай мне уже наскучил. Ананасовый сок, персики, иные заморские фрукты, которые я раньше видел лишь на витринах, здесь стояли в каждой палате. Я уже с неприязнью смотрел на них.

– Доверяй, но проверяй, – говорит мне Падунец и вновь разливает по рюмкам. – Чем докажешь, что ты Гнусавый?

– Я не буду этого доказывать. Я тебе лучше докажу, что я – мастер, понимаешь? Мас-тер! Я возьму самую разбитую машину...

Федор Савельевич, прищутив глаз, смотрит на меня, потом поднимает вверх указательный палец:

– Стоп, не продолжай! Я все понял. Ты говоришь... Ты прекрасно говоришь! Я уже верю тебе. Только... Ты прости, ладно? Я слышал, что Гнусавый – у него вид как у... Ну, ненормальный он с виду. А ты – ты симпатичный парень.

– Да забудь ты о Гнусавом! – машу я рукой. – С ним – все. Он начинает тоже новую жизнь. Он сбросил лягушечью кожу и стал... Он стал нормальным.

– Нет, я тебе прибавлю. Я тебе буду платить по максимуму. Ты, парень... Дай я тебя поцелую.

– Ее целуй, – говорю я и киваю на окно.

По аллейке к корпусу плывет зазноба Падунца. Высокая, длинноногая, с яркими губами. Фотомодель, да и только. Хотя не в моем вкусе. Грудь почти не просматриваются, не вы-

пачивается и то место, где у Федора Савельевича рос фурункул. Но не огорчать же человека!

– Королева! – ахаю я.

– Иных не держим! – гордо говорит Падунец. – Пойдем познакомлю. И проводишь меня заодно.

У ворот стоит машина, не новый, но хороший японец. Легкая царапина на левом крыле. Видно, кто-то из пацанов гвоздем чиркнул.

– Я тебе это в два счета устранию, Федор Савельевич.

– Не зарекайся. Краска – видишь, какая у меня краска? Хрен такой цвет подберешь. Извини за «хрен», Зюенька, Зайчик.

Мне почему-то кажется, его Зюенька в свое время и не такие слова слышала да и произносила. Малость помятое у нее лицо. Но и за это надо сказать спасибо Падунцу, может, из пропасти человека вытащил.

– Зюя, зову в свидетели! У вас будет не машина, а игрушка!

– Это мастер говорит! – опять поднимает палец Федор Савельевич. – Человек из моей конторы. Ведущий специалист.

Зюя вроде бы кротко, но оценивающе и хитро, как кошечка, осматривает меня.

– Ты, Зайчик, не смотри, что он молод. К нему, а значит, и ко мне на поклон вся Россия приезжать будет! Его Костя зовут. И все будут это знать.

– Костя! – говорю я и пробую галантно поклониться.

– Очень приятно! – мурлычет кошечка, скрывая хитрую стервозную улыбку.

У беседки стоит рыжая Вика, судя по виду, ждет меня.

– Что, товарища проводили? И будете теперь скучать в одиночестве?

Проклятый страх, его даже водка не снимает. Чувствую, что трезвею. Но набираюсь мужества схамить:

– А может, на «ты» перейдем?

– Может, – смеется она. – Но не сейчас. Сперва надо выпить на брудершафт, поцеловаться, а у вас еще губы вон какие. – Она притрагивается к ним пальчиками. – Болят?

Током шибает от ее прикосновения. Господи, хоть бы не упасть.

– Илья Сергеевич обещает, что скоро все будет нормально. Недели через две. Но домой можно выписываться к субботе.

– Вместе и выпишемся, – говорит Вика. – Дальше я уже худеть не хочу. Как я, нормально выгляжу?

Она разводит руки, поднимает подбородочек. Эффектнейшая женщина! Вот такие и снились мне, а я, дурак, гнал их.

– Я, кстати, завтра в Москву поеду, может, к вашим захватить? Хотя бы одежду взять, не в пижаме же вы отсюда выйдете.

Как я забыл об этом? Все, что было на мне в момент ава-

рии, конечно, надо выбросить: окровавленные тряпки. Но и дома ничего приличного нет. Некуда мне было наряжаться. Как-то я купил один костюм, померил его и понял: чем лучше буду одеваться, тем смешней выглядеть, дома у меня джинсы, пара рубаш... И потом, в квартире такой бардак, что Вика побоится переступить даже порог. Да я и не хочу, чтоб она этот порог переступала.

– Вика, а если я дам вам деньги, вы на свой вкус что-нибудь подберете мне, а?

Она окинула меня взглядом портнихи, словно сняла мерку.

– Мы не так сделаем. Деньги студенту нужны, нечего ими бросаться. Все будет о'кей! Уберите свой кошелек, потом рассчитаемся.

Из двери корпуса вышла помощница Ильи Сергеевича, Светлана:

– Костя. – У нее строгий голос учительницы. – Пора на процедуры.

...Несмотря на поздний вечер, на приличное количество выпитого, сон никак не приходит. Я лежу в постели в темной, неосвещенной палате и смотрю на дальние сполохи грозы. Что-то со мной происходит. Истекающего кровью, меня привозят в больницу. Делают блестящую операцию. Предлагают хорошую работу, хорошие деньги. Их не надо воровать. Мне улыбаются, со мной советуются. Значит, и так можно жить?

Значит, мне просто не везло до этого? Вот пойду к Федору Савельевичу, год поработаю, оденусь, обставлю квартиру – и ну их к черту, этих Максов, Саньков, ювелирные, маски-чулки на головах. Да, с ювелирным надо что-то придумать. Не хочу, чтоб за мной долги оставались. Не спяну это надо обмозговать, но надо!

Человека, говорят, формирует среда. Какой же я был дурак, что даже не пробовал сменить ее! Я не верил, что это возможно. Не верил до тех пор, пока не ткнули меня мордой в камни. И хорошо сделали, что ткнули! Теперь все будет не так.

Только бы утряслось дело с кольцами и браслетами. Где они теперь?

Илья Сергеевич легонько ощупывает мой подбородок:

– Удивительный клей! Все держит и не мешает костям срастаться, понимаете? У вас тут крошево было, а сейчас – вполне приличный подбородок. Даже лучше, чем был. Без дефектов. Я выпрямил кое-что... Вот почему так настойчиво прошу у вас фотографию.

Я не любил фотографироваться, была на то причина. Лишь на паспорт щелкнулся – как без этого? С тех пор в пакетике, выданном в фотоателье, оставшиеся снимки и лежат. Куда я засунул этот пакетик, даже не помню. Придется поискать. Разве можно отказать в просьбе такому врачу!

– Приедете ко мне. – Он пишет на больничном листке да-

ту, ставит внизу свою подпись, печать, вопросительно смотрит на меня. – Вам этот бланк нужен? У меня ведь в основном специфическая категория клиентов, они нуждаются в моем внимании, а бумаги их не интересуют. Я одному как-то выписал больничный, так он даже обиделся: не принимайте, мол, меня за совка. С тех пор у всех спрашиваю, не обижу ли?

– Спасибо вам за все, – говорю я. – То, что вы сделали, поверьте, я никогда не забуду.

Он удивленно смотрит на меня:

– Давно среди клиентов не встречал сентиментальных. Благодарю за доброе слово, но мы ведь с вами не навсегда прощаемся, так? Обязательно приходите, не то до конца жизни драться не сможете, челюсть будете пуще глаза беречь.

У палаты меня ждала Вика, в руках – пакет.

– Готовы к отъезду? Здесь спортивный костюм, кроссовки, все остальное в городе. У меня на квартире. Заедем ведь? Веселый прищур зеленых глаз.

– Сколько я за все должен?

– Потом рассчитаемся. Переодевайтесь, я в машине подожду.

У Вики новенькая «ауди». Я обязательно себе куплю, скорее битую бэушную иномарку, но у меня она станет как конфетка!.. У меня есть права, вожу – дай бог каждому так, но пока только те тачки, которые мне пригоняют для ремонта.

Куплю!

Вика рассказывает что-то веселое и все время смеется. Я совершенно не вникаю в смысл ее слов и улыбаюсь через силу, лишь в знак солидарности. Я настраиваю себя на мысли о машине, о будущей работе, но ничего не получается. опять скован страхом. Страхом перед этим смехом и рыжими волосами. Я бы сейчас выскочил из машины и побежал бегом домой. Но Вика везет меня к себе. Солнце уже можно назвать вечерним, оно потеряло накал, покраснело, от этого кажется, что на голове у Вики медный македонский шлем.

— А вы по водопроводным кранам, случайно, не спец? Один течет, другой свистит.

— Если есть инструменты...

— Этого добра хватает. У меня друг был, слесарь, ба-альшой мастер по всем статьям. На память оставил все, что мог... И вообще я считаю: одинокой женщине нужны мужики мастеровые. Так, нет?

Она стреляет зелеными глазами и не промахивается. Дурацкий комплекс! Даже дыхание сбивается. Хочется домой.

— Вот и приехали. Теперь лифт, шестой этаж... Я немного ошиблась, вам не идет этот костюм. Надо что-то посвободней.

Она проворачивает ключ в двери, замок щелкает... Если бы Вика не взяла меня за рукав и легонько не подтолкнула, я бы не нашел сил переступить порог.

— Ну-ка, пойдем за мной, пойдем...

Небольшой коридорчик в мягком ворсе ковра, приоткрытая дверь на кухню, вторая... Широкая кровать, торшер, шкаф. Она открывает створки, снимает с вешалки плечики:

– Вот хороший летний костюм. Не думайте, не с чужого плеча, еще с этикеткой, видите?

Я ничего не вижу, я стою болван болваном. Ну хоть что-то же мне надо делать, говорить... Все тело – сплошной панцирь.

– Сбрасывайте-ка с себя тряпки. Ну же!

Ее рука ложится на мою грудь, легонько тербит застегивающую молнию. Я накрываю эту руку своей ладонью и теперь отчетливо чувствую, как грохочет сердце. Вика уже не улыбается.

– Ну, – говорит она и понемногу отступает, так, чтобы не вырвать пальчики из-под моей ладони. – Ну!

Не отпуская меня, ложится на кровать, трогает губами щеку, подбородок.

– Тебе не больно?

Качаю головой.

Золотые волосы уже не шлем, они рассыпались нитями по белой подушке.

– У тебя сердце сейчас выскочит, – говорит она, и руки ее ложатся за мои плечи. – Ты успокойся, успокойся, успокойся!..

Нет, надо было все же выскочить из ее авто, пусть даже и в полном ходу. Все равно было бы лучше! Я закусываю

больные губы, рывком приподнимаюсь, сажусь и прячу лицо в ладони. Сейчас Вика рассмеется, и я уйду. Но она не смеется.

– Костя, почему тебе плохо со мной? Ты не хочешь меня, да?

И меня прорывает. Страхи, что копились, что таились внутри, выплескиваются сейчас в словах:

– У меня комплекс, Вика. Я никогда не был с женщинами. Так получилось: я был уверен, что противен им, и...

– Ты? Ты противен? И никогда не был?.. Ну и глупыш! Ты глупыш, понял? – Вот теперь она смеется, но совсем не обидно. – А я-то думаю, чего ты как статуя ледяная. Иди в ванную и лезь под горячий душ, оттаивай. А я на кухне ужин соображу. Иди и ни о чем не думай, глупыш!

Я стою под теплыми струями и оттаиваю. Действительно, что теперь, вешаться, что ли? Уже хорошо то, что признался Вике.словно груз какой с себя свалил. И хорошо, что она все поняла. Интересно, а это можно вылечить? Может, есть таблетки или ампулы? У меня же все нормально, только страх надо как-то заглушить...

– Глупыш, я тебе принесла халат, полотенце. И еще знаешь, что принесла? Мы перешли на «ты», а на брудершафт так и не выпили, хоть и договаривались. Ну-ка, подвинься.

Она держит на подносе две янтарные рюмочки. Обнаженная женщина с искрящимися капельками воды на коже. Становится рядом, груди ее упираются мне в грудь.

– Держи... Заводим руки... Пьем...

Я перестаю соображать. Я целую ее, подхватываю на руки, совершенно не ощущая веса, несу в спальню и уже не вижу ничего, кроме ее огромных зеленых глаз, и не слышу ничего, кроме ее глубоких прерывистых стонов, от которых еще больше пьянею и еще меньше понимаю, что это случилось со мной...

Ночью на нас напал жор. Уже на кухне, за столом, мы сообразили, что ничего не ели с утра, после завтрака в больнице. Вика нарезала ветчину, сварила кофе, я наполнил коньяком рюмки. Выпили, поцеловались.

– Гусар, – прошептала Вика. – Как же ты меня заводишь...

Утром, так ни минуты и не поспав, она ушла по делам. На мой вопрос, по каким именно, ответила:

– О, еще успею рассказать. Приду после обеда... Ты же не сбежишь к этому времени? Примерь пока костюм, газеты полистай – вон какой ворох их накопился.

Сбегать от нее я не собирался.

Костюм сидел как влитой. Был он полуспортивного кроя, и кроссовки не портили общий вид. Я, как девица, полчаса крутился перед зеркалом: наверное, потому что так долго избегал зеркал. Стального цвета пиджак, в тон ему рубашка, еще не покинувшие лицо пятна... Нет, пятна со всем остальным не очень гармонируют. Надо скрыть очками хотя бы те, что под глазами. Придет Вика – я пробежусь по магазинам,

куплю цветов, фруктов, а заодно и очки.

Как Вика вытащила из почтового ящика стопку газет, так они нетронутыми и лежали. Обычно я прочитываю их до последней строчки. Сейчас – лень. Основные новости известны из телевизора, разве что хронику происшествий просмотреть. Разбился я во вторник, газеты за вторник смотрел. За среду тут есть?

Заметка «Возите бомбы велосипедами» стояла первой в подборке:

«Редкие прохожие стали свидетелями того, как во вторник вечером на Третьей Сигнальной улице раздался мощный взрыв. Вот что сообщили они сотрудникам правоохранительных органов, прибывшим к месту происшествия.

Небрежно одетый мужчина катил велосипед с поврежденным передним колесом. На багажнике велосипеда был пакет, в котором, скорее всего, и хранилась бомба с часовым механизмом. Взрыв был такой силы, что практически ни от велосипедиста, ни от его транспорта ничего не осталось. Потому не скоро, наверное, выяснится, что преследовали организаторы очередного террористического акта в столице. Изложить нам свои версии в правоохранительных органах отказались».

Я уронил газету на колени и минут пять сидел неподвижно, пытаясь хоть что-то сообразить. Велосипед с искорежен-

ным колесом, со свертком на багажнике, несомненно, мой. Какой еще дурак поедет на велосипеде по такой улице?! Я разбился, меня увезли на машине... Транспорт, таким образом, остался бесхозным, но не надолго. Его кто-то подобрал, потащил домой... И на мину напоролся, что ли? Но ведь в свертке были драгоценности, а не адская машина. Я сам это видел, да и другие. Сверток все время был у нас перед глазами! Нет, не все время. Когда мы выпивали, Макс положил его в стол. А после – вытащил... другой, с бомбой?! Но зачем? Чтоб я его передал человеку, пожелавшему приобрести наше золото, – это ясно. Человек бы накрылся, и мы потеряли бы оптового покупателя. Если Макс эту цель преследовал, то это дурацкая затея. И потом, он должен был меня предупредить. А если бы я не успел передать коробку по назначению? Сам бы на куски разлетелся.

Стоп! Конечно, разлетелся бы. А что, если этого Макс и хотел? Только для чего? Чтоб выручку делить не на пятерых, а на четверых?

Знать бы, сколько времени прошло с момента моего падения и до взрыва. Тогда бы стало ясно, кого хотел прикончить Макс.

Я вытащил из кармана спортивных брюк, в которых приехал из больницы, связку ключей. Рабочий, от квартиры, от почтового ящика, тот, который дал Макс. От тюрьмы, где содержится пленница. Авось она еще там. Кто охраняет ее – Санек, Корин, Блин? Надо сначала поговорить с кем-нибудь

из них. Если Макс промолчал тогда, то и сейчас он не скажет правды. А узнать ее надо...

3

Ключ в замке провернулся почти беззвучно, легкий щелчок – и все. Если сидеть и слушать специально, тогда, быть может, и сообразишь, что кто-то пытается отворить дверь. Но таких бдительных здесь не должно быть. Если вообще кто-то здесь есть.

На кухне – еще теплый чайник, полная пепельница окурков. Окурки вроде свежие, «Бонд». Эти сигареты любит Санек. И еще он любит спать. Дверь в ванную пока открывать не стоит, она скрипит, а вот посмотреть, что делается в комнате, не мешает.

Телефонный звонок. Аппарат в коридоре, как раз возле двери на кухню. Я замираю за нею, услышав шаги.

Санек. Его сонный картавый голос:

– Да. Все нормалек, Макс. Она не ест, с утра ничего не ест. Чувствует, наверное. – Последнее сказано тише. – Да нет, не кричит. Как сонная, но не спит... Давай, а то уже все надоело.

Трубка повешена, но Санек не отходит от телефона. Стоит, что-то бурчит себе под нос. С трудом улавливаю: «Все равно ведь, все равно...» Хлопнул в ладоши. Заскрипела дверь, это в ванную. Теперь голос погромче:

– Ну что, сама дашь или повоюем?

Тихий женский голос что-то отвечает, не слышно что. И грубый голос Макса:

– Да называй меня как хочешь, мне до лампочки! Я тебя, детка, даже отмыкать не буду, я так пристроюсь. – Станный звук, рвется ткань. – Ах, грудочки какие! Да не щелкай ты зубами...

Кажется, пора.

Я влетаю в ванную. У Санька отвисает челюсть, глаза становятся белыми. Паралич разбил его в не совсем потребном виде: с полуспущенными штанами. Я лезу к нему в карман, достаю ключ от наручников и уже потом спрашиваю:

– Когда должен приехать Макс? И зачем?

Санек все еще не может прийти в себя, и я с удовольствием ему в этом помогаю: бью сверху по лбу.

– Когда и зачем?

– Через полчаса. Вывезти и... – Он лежит теперь на полу, по-прежнему вцепившись в штаны.

Полчаса. Времени не так и много, чтоб болтать со старым приятелем. Только теперь я смотрю на девушку. Серо-белое лицо, такие же губы, глаза тоже испуганные, но осмысленные. Снимаю наручники, секунды раздумываю, не приковать ли теперь к трубе охранника, но решаю, что не стоит. Платье на девушке порвано, в таком виде на улицу ее не выведешь.

– Кожанку снимай, – приказываю все еще лежащему Саньку.

Тот на удивление быстро выполняет команду.

Набрасываю куртку на плечи девушке. Нет, так не пойдет. Надо надеть нормально и застегнуться. Прошу ее об этом, но у нее дрожат руки, она ничего не может поделывать с кнопками. А надо спешить. Ладно, нам еще лифт ждать, спускаться – там, по дороге с этими кнопками и управимся. Я вывожу девушку, поддерживая ее за плечи, из ванной, захлопываю дверь, потом пару секунд тереблю расшатанную ручку и говорю полураздетому паралитику:

– Ставлю мину. Попробуешь открыть – взлетишь к...

Не продолжаю, ему, думаю, и так все ясно. Девушка идет пошатываясь, держась рукой за стену. С такой скоростью передвижения как бы нам не встретиться с командой Макса.

Но вот и лифт. Кабинка ползет вниз медленно, зато я успеваю застегнуть на девушке куртку и хоть как-то поправить ей прическу.

Все, приехали! Что дальше-то делать? О прогулке по улицам и речи быть не может. Надо ловить мотор и уматывать... В полицию? Исключается. Как я объясню, зачем попал в этот дом, в эту квартиру? Да и вообще, я многого не объясню этим товарищам. Девушку бросать на улице тоже нельзя: она в таком состоянии, что просто может вырубиться. Не исключено, что вновь попадется на глаза Максу. Значит, выход один: везти к себе домой. Я не слишком гостеприимный, и в моей квартире был один раз только Санек, и то год назад, в поминках бабушки. Он, думаю, даже адреса не помнит.

Выходим к обочине дороги, я голосую и одновременно инструктирую спутницу:

– В машине не разговаривай ни со мной, ни с водителем. Ясно? Молчи, всю дорогу молчи. Ты слышишь меня, нет?

Девушка, мертвой хваткой вцепившаяся в мой локоть, не отвечает. Молю Бога, чтоб она все-таки поняла, чего я хочу. Только бы продержалась, только бы не устроила истерику.

Остановился частник. Я не стал у него ничего спрашивать, просто открыл заднюю дверцу, можно сказать, на руках внес в салон «ауди» спутницу, потом сел рядом с ней.

Водитель удивленно взглянул через плечо:

– Чего так уверенно? А может, не по пути нам? Или о цене не договоримся?

– Обо всем договоримся, – сказал я. – Трогай.

Его глаза остановились на девушке.

– В больницу, да? Может, нитроглицерин дать?

– Спасибо, – сказал я. – Ей противопоказано.

Сзади почти вплотную к нам подкатила знакомая «Лада».

– Жми, – попросил я водителя. – Отдельно за скорость плачу. Нам надо быстрее домой, там таблетки.

– Куда жать-то?

Слышно, как хлопнули дверцы. Макс, наверное, возится сейчас с замком, над самым моим ухом басит Корин, просит у Блина закурить. Только бы не начали глазеть в наше окно.

– Пока прямо, – стараюсь говорить приглушенно и чувствую на себе взгляд Корины.

– Адрес называй. – Водитель наконец-то трогается с места, я удерживаю себя от искушения оглянуться и называю свой район. Только когда проехали метров сто, смотрю через заднее окошко. Троица мирно стоит у машины, курит.

Удивительное дело, частник денег не взял. Подвез к дому, еще и предложил:

– Может, помочь?

Я отказался, протянул ему пятисотку, но он только рукой махнул:

– Брось ты. У меня мать так умерла. От сердца, на улице.

Я не понял, к чему это сказано, но легонько, как другу, сжал ему плечо.

Уже в комнате я наконец вспомнил, что девушку зовут Настя. Заставил ее выпить рюмку водки, открыл банку тушенки и заметил, как легкая тень пробежала по ее лицу. Ну конечно же, ее все эти дни только из банок и кормили, потому она так реагирует на проклятую банку.

– Сейчас мы суп сварим. Ты будешь суп?

Молчание.

Хорошо, что в холодильнике есть немного картошки, лукавица, морковь. Пятнадцать минут – и блюдо готово.

– Бери ложку.

Настя сидит как истукан, кулачки на коленях. У меня от всех болезней под рукой лишь одно медицинское средство, потому наливаю еще сорок граммов:

– Пей сама, все равно ведь заставлю.

От строгого голоса она вздрагивает, машинально берет рюмку, выпивает, не кривится, но все же принимается за суп. Раз, два, три, четыре, пять... Проглотила пять ложек горячей похлебки. Вздогнула, будто обожглась. Посмотрела на свои руки, на окно, на меня.

– Где я? – спросила сдавленно. – Уже не там?

– Уже не там, – ответил я. – С тобой все нормально, Настя. Здесь тебе никто не сделает плохого.

И тут она заплакала. Плакала долго, навзрыд, дергая хуленькими плечами. Я никогда в жизни не успокаивал плачущих женщин и тут только подставил плечо под ее мокрые глаза. Сейчас истерика закончится, начнутся расспросы – что сказать ей? Что я рыцарь, специализирующийся на спасении юных дев? Но для того чтобы спасти, этот же рыцарь похитил ее и заточил – даже не в замке, в убогой комнатухе. Господи, неужели это делал я? Что у меня, вместе с поганой мордой было такое же поганое нутро? Зачем я пошел на это? Кому мстил за свое убожество? Конечно же, все делалось не ради денег, я просто утверждал себя, идиота, в этом мире, я хотел, чтобы со мной считались...

Хватит о прошлом, с ним покончено. Только что же мне делать с Настей? Перво-наперво сообщить родителям, что их дочь здорова, по крайней мере жива.

– Ты москвичка?

– Нет. – Она уже чуть-чуть успокоилась. – Я из Кемерово.

– Телефон дома есть?

– Я из деревни, сто километров от города. Там нет телефонов.

– Как же нам быть? Домашних надо ведь успокоить, они там наверняка с ума сходят.

– У меня только мама. Я ей пишу в месяц по письму.

Хорошо хоть то, что начала говорить. Отец четыре года как умер. Пьяный был, зимой не дошел домой, свалился в канаву и замерз. Жить стало легче, хоть какие-то деньги появились, а то ведь раньше все – на водку. Прошлым летом Настя закончила школу, приехала в Москву поступать в медицинский. Все сдала без троек, но – не прошла по конкурсу. Возвращаться в деревню не захотела, нашла место в общежитии, работала уборщицей, нянечкой в больнице, сейчас в отпуске, готовилась снова поступать в институт. Это значит, и на работе ее не хватятся. Могут только соседки по комнате тревогу поднять.

– Звони туда, успокой их, скажи, родственницу нашла, у нее пока гостишь.

– Зачем звонить? Разве я не поеду туда?

– Обязательно поедешь. Но не раньше, чем мы уладим кое-какие формальности. Эти, которые тебя держали, – тут я ощутил, как прилила к вискам кровь, – они не спрашивали про общежитие?

– Спрашивали, даже, по-моему, ездили туда. Они все не верили, что за меня никто не даст выкуп.

– Тебе нельзя никуда выходить из этого дома, – твердо сказал я. – Они могут охотиться за тобой, понимаешь? Ты ведь видела их, значит – свидетель.

– А разве вы их не арестуете? – Она вскинула на меня глаза, спросила с надеждой: – Вы ведь из полиции?

Я не стал вдаваться в подробности.

– Они пока на свободе, все четверо. Их ведь четверо было? Никто, кроме них, в ту квартиру больше не заходил?

– Четверо. Правда, в первый день еще один, мерзкий такой, в машину меня заталкивал и пил с ними. Но больше я его не видела.

Ну вот, долбопытничал. Все-таки здорово я изменился, что она меня не признала.

Настя начала откровенно зевать. Я постелил ей постель, показал на ванную, посоветовал принять душ, раздеться и лечь спать.

– Я отключу телефон, замкну тебя и уйду. Только не поднимай шума. Договорились?

Она сонно закивала.

Санек летом жил один в двухкомнатной квартире: предки теплый сезон проводили за городом, на даче. Я позвонил так, как обычно звонила наша братия. Санек купился, сразу открыл дверь.

Увидел меня, попробовал тут же вытолкнуть незваного гостя за порог. Но через считанные секунды я уже сидел на

диване и вел допрос. Сперва поинтересовался, что стало с его левым ухом: неужто за плохое сегодняшнее дежурство наказали свои? Санек угрюмо промолчал, глядя под ноги.

– Ладно, ты меня, признаюсь, интересуешь постольку-поскольку. Скажи, за что вы хотели убрать меня?

– Тебя? – Он недоуменно уставился на меня и вдруг страшно побледнел, так, что я за него испугался: как бы опять судорогой не свело. Слава богу, этого не произошло. – Гнусавый? Ты?

– Меня зовут Костя, Константин, запомни это.

Он затряс головой:

– Тебя же, ты же... – и прикусил язык.

Значит, он меня не узнал, когда лежал на полу ванной со спущенными штанами. И Макс, значит, не знает, что я продолжаю дышать и соображать.

– Почему вы так долго держали у себя девчонку?

– Мы не знали, что с ней делать. Она ведь видела всех, запомнила, могла пойти в ментуру и все рассказать. И потом, Макс долго выяснял – кто она, откуда, нельзя ли нам пожить. Оказалось, никому она не нужна. И вот только вчера решили ее...

– Что решили?

– Ну как что? Вывезли бы за город, в лес. Там бы бросили жребий, кому ее кончать. Опыта же нет. – Он криво улыбнулся. – Если не считать, что Макс хотел убрать тебя.

– Как ты доложил ему – кто освободил ее?

Санек на секунду замялся, взгляд его заметался, но вовремя остановился на моих кулаках. Лучше не врать – наверное, так решил он.

– Я сказал, что позвонили в дверь, и, поскольку должен был приехать Макс, я дверь эту открыл. Меня тут же ударили, затащили в ванную... Я так ему сказал.

– Верю. Теперь давай обо мне трави.

– А что о тебе? Думаешь, мы знали, что в той конфетной коробке – мина? Об этом нам Макс уже потом сказал, когда ты взорвался. Ну, не ты, конечно.

– Почему там лежала мина?

– Когда мы брали ювелирный, ты в дверях маску, ну, чулок с головы сдернул. Продавщицы твое лицо увидели. Макс узнал об этом: те девчонки при нем рассказывали подружкам, что, мол, среди грабителей был уродливый такой...

Я стиснул зубы, чтоб не перебивать говорившего.

– И когда мы девку эту в машину сажали, один из зевак тоже тебя запомнил. Макс ведь оставался в толпе, слышал, как старикашка один все твердил, что надо в полицию заявить, что у того, который девушку в машину толкал, больно бандитская морда. Вот Макс и решил... Положил в ту коробку с драгоценностями бомбу.

– Так там и драгоценности были? Зачем? Санек пожал плечами:

– Макс сказал – лучше, мол, потерять часть, чем все.

Конечно, сказать так он мог. В расчете на тупость осталь-

ных. Кто, кроме тупого, поверит, что золото должно погибнуть лишь в знак солидарности с его владельцем? Да и не владельцем даже. Значит, никто меня у закрытого киоска Союзпечати не ждал. И вообще, выходит, не было никакого оптового покупателя! А раз так, то мне остается изъять у Макса все эти кольца-кулончики и вернуть их в магазин. Настя освобождена, ценности возвращены – вот тогда и начинай новую жизнь, Гнусавый!

Я встал с дивана и на голову возвысился над плотненьким низкорослым Саньком.

– Ты меня хорошо знаешь?

– Ну, – неопределенно ответил он.

– Если вякнешь, что я приходил к тебе и кое-чем интересовался, – долго жалеть будешь, понял?

Санек затряс головой.

– Вещи из ювелирного еще не делили? У Макса они все?

– Да, кроме твоей доли. Надо выждать чуть.

– Выжидайте. – Я улыбнулся и пошел к двери. Сказал напоследок: – Смотри, Санек, если вякнешь...

Душ Настя, конечно же, не принимала. Она даже туфли и куртку не сняла – заснула, свернувшись калачиком, на одеяле. Я укрыл ее, стараясь не шуметь, вытащил с антресолей старую раскладушку, поставил на кухне. Думал, упаду и сразу же вырублюсь: ведь ночь перед этим не спал. Но мозг, видно, покоя не хотел.

Санек, если его чуть придавить, может заложить кого угодно. С потрохами выдаст. Я его давно знаю, в одной школе учились. Он окончил училище и работал техником на мясокомбинате. С виду вроде не хилый, но большой трус и паникер. Не переносит любой боли. Так вот, маловато надежды на то, что Санек останется нем. Вряд ли он сам побежит сейчас к Максу докладывать, что я жив-здоров. Но он ведь и другое понимает. Рано или поздно Максу станет известно, что я еще дышу, что я выкрал у них Настю, и тогда Саньку не миновать кары. Так лучше во всем сознаться сразу. Сознается он, и что будет дальше? Моего адреса действительно никто не знает, но ведь у всех есть номер моего домашнего телефона! А по номеру узнать географию абонента способен и пацан. И вот тогда надо будет ждать гостей. Скорее всего, Макс пришлет сразу двоих – Корина и Блина. Я их знаю не очень давно, силой не мерился, но ясно, что с двумя сразу мне не справиться, особенно если учесть, что я буду бояться пропустить удар в челюсть, а раз буду бояться, то, значит, пропущу. И черт его знает, кто будет собирать ее по частям в следующий раз и какую форму она примет. Нет, рисковать нельзя.

Поскольку придут гости за Настей, надо быстрее ее куда-то определить. Дать деньги на дорогу домой? Хорошо, если она согласится на этот вариант. Я бы ей даже подарки для матери купил...

Деньги, деньги, деньги... Вот черт, только сейчас вспом-

нил, что не рассчитался с Викой за костюм, кроссовки... И вообще: поступил по-свински. Ушел не простившись. А ведь она, Вика, она ведь... Я зажмурил глаза: вот ее золотые волосы, зеленые глаза, белая тугая грудь... Что же я лежу тут, на раскладушке? Почему не там, не у Вики?

Машинально взглянул на часы. Второй час ночи. Для визита время не самое подходящее. Тем более с пустыми руками идти нехорошо. Завтра с утра... Нет, с утра надо купить Насте продукты. Поговорить с ней о поездке в Кемерово. Потом – отправиться к Федору Савельевичу Падунцу насчет работы. Это тоже откладывать нельзя: возьмет другого. Какой у него цвет машины? Надо захватить с собой инструменты, сделать царапину.

И от Падунца уже можно заехать к Вике. Я ведь так и не починил ей краны, не до этого было.

А что, если поселить хотя бы на неделю Настю в лечебнице Бабашвили? Там-то уж ее точно Макс не найдет, а она отойдет от плена. Как бы там ни было, но ведь это я приковывал ее к трубе в чужой квартире и должен теперь сделать для нее все. Илье Сергеевичу, конечно, заплачу, денег должно хватить.

– Ты, парень, даешь! – Федор Савельевич под разными углами смотрит на крыло машины, где еще недавно красовалась царапина, и восхищенно причмокивает: – Как же ты краску угадал? Я думал, у нас в России вообще такой нет.

Редкая ведь расцветка, согласишься, а? Ну все, идем смотреть, что я строю. И не стесняйся, сразу говори: может, что не так – тебе тут работать. И обязательно список подготовь, что достать. Я все оплачу. Слушай, как ты думаешь, а может, все-таки дать в газету объявление, что вот, мол, открываемся, готовы оказывать такие-то услуги, а?.. Сейчас ко мне домой заглянем, чайку попьем, я тебе фирменные спецовки покажу, уже сделали. Таких спецовок ни у кого нет!

От Федора Савельевича я позвонил Вике. Трубку долго не брали, но наконец-то раздался знакомый голос:

– Я слушаю.

– Вика, я приеду к тебе сейчас? Ты прости, я даже деньги за костюм не отдал.

– Ну что вы, пустяки, – сказала она холодным нейтральным голосом. Может, не поняла, с кем говорит?

– Это я, Константин, Вика. Я хочу видеть тебя!

– Вас устроит в шесть? С шести до семи я буду свободна.

Кто-то там, на другом конце провода, невнятно забасил, Вика, видно, прикрыла ладонью трубку, сказала тому, басовитому: «Перестань, это мой клиент... А хоть бы и так! У тебя что, на меня права особые?» И, уже отняв ладонь, повторила:

– Я буду ждать с шести до семи. До свидания.

Пошли короткие гудки.

Невесты Федора Савельевича дома не было.

– Она на просмотре, – объяснил он и снова, как и в боль-

ничной палате, прямо захлеб принялся рассказывать о своем Зайчике: – Представляешь, парень, я со своим суконным рылом – и рядом с ней, а?! В богему вхож. А был ведь кем, и каким?!

С фотографий, висевших на всех стенах, глядела на меня, принимая различные позы, хитрая плоскогрудая кошечка. Глядела подозрительно, без всякой симпатии. Она меня тоже, очевидно, недолюбливала.

В шесть ноль-ноль я стоял у дверей Вики с огромным букетом. В нем розы, георгины, огромные лохматые ромашки...

– Прости, я еще не знаю, что ты любишь больше.

На меня и на цветы она посмотрела, как мне показалось, с печальной улыбкой.

– Заходи.

– Жаль, что мы на «ты», – сказал я. – Когда я услышал тебя по телефону, я подумал, что тебе страшно хочется выпить со мной на брудершафт.

– Костя. – Она стояла у окна кухни, все еще держа цветы. – Костя, я, наверное, должна объясниться. Ты... Ты хотя бы знаешь, сколько мне лет, Костя? Я старая баба, которая один раз захотела сойти с ума.

– И ты не хочешь начать жизнь сначала? – спросил я. – Как ты там говорила? С романами...

– Вот когда я говорила, я как раз и была безумной. Пойми,

Костя, я... Скажем так, я далеко не праведная женщина. И когда ты звонил, я была не одна. У меня был мужчина. Мой старый знакомый.

– Он починил тебе краны? – спросил я.

– Ну не надо, не надо ехидничать.

– Я и не думаю этого делать. Где инструменты? Давай быстрее, я, как понимаю, до семи должен управиться.

– Не смей так смеяться!

– Разве я смеюсь?

Лицо ее запылало от гнева и стало еще красивей.

– Ты... Ты еще мальчишка...

Я закрыл ей рот поцелуем. И ушел от нее за полночь, едва успев к закрытию метро.

Настя не спала.

– У тебя тут неплохая библиотека, я многое для себя нашла. В институте ведь через неделю приемные экзамены...

О поездке в Кемерово я ей ничего не сказал. Открыл тумбу стола и начал рыться в ее недрах.

– Сюда я заглянуть не посмела, а в комнате попробовала прибраться. Два ведра мусора вынесла.

– Спасибо. Теперь это не логово зверя, а человеческое жилище.

И вдруг я замер над столом:

– Тебя никто из соседей не видел?

– Видели. Женщина, ее двери напротив, через лестничную площадку, поинтересовалась, где ты, мол, давно тебя не

видела.

Баба Варя. Единственная соседка, с которой я общался. Когда болела, просила купить хлеб, молоко. Потом пирогами угощала.

– Я ей сказала, что ты позже придешь. И капитану из полиции так же сказала.

Правильный ответ: «позже». Это ведь и через час, и через день, и через год... Стоп! Менты приходили? Вот это новости!

– Как этот капитан выглядел? Что он хотел? – спросил я, стараясь выглядеть спокойно.

– А ничего. Даже не поинтересовался, кто я. Попросил, чтоб ты завтра с утра заглянул к нему. Я сначала его фамилию хотела записать, а потом решила, что и так запомню. Кукушкин. Ну что тут записывать? Это твой товарищ по работе, да?

– В какой-то степени...

Черт, чего тут только нет, в этой тумбе! Все почему-то колется и режется. Особенно после того, как Настя сказала о Кукушкине. Игла от циркуля под ноготь зашла. Ага, вот он, пакет из фотоателье. Надо взять фотографии и поехать к Бабашвили. Раз ему так нужно... Но это и мне нужно. Пусть скулу посмотрит. И пусть дней на пять приютит Настю. Я не хочу, чтобы она опять попала в гости к Максусу. А ведь может попасть – у меня нет возможности сидеть рядом с ней сторожем. Завтра, к примеру, надо идти к Кукушкину...

Если бы Кукушкин чего хотел, он бы с Настей не так разговаривал. Я знаю этого опера – крутой мужик. У них в отделе машины часто ломаются, и он сразу мне звонит. На этот раз не позвонил по простой причине: телефон ведь я отключил.

Ну точно: на асфальтированном пяточке перед ментурой стоит их сдохший жигуленок. В нем копается Лысиков, водитель. Ярый машиноненавистник. Женоненавистники – те хоть и ненавидят, но все равно женятся. А этот... Садится за баранку с одной целью: покалечить технику. Я Лысикова презираю, но он терпит, поскольку я ему нужен.

– Что тут случилось?

Он бросает на меня недовольный взгляд и тотчас опять отворачивается.

– В справочном бюро узнай, что случилось, где и когда.

– Я думал, помощь требуется. Вчера Кукушкин заходил.

Лысиков уже с большим интересом осматривает меня, глаза его округляются.

– О, елки зеленые! Ты, что ли? Никак, в воде вареной искупался?

Теперь уже недоумеваю я, а Лысиков ржет:

– Вчера сыну как раз читал про Конька-Горбунка. Там один в чан прыгнул и красавцем стал. А ты что, пластиче-

скую операцию делал? Говорить по-человечески начал.

Мне не больно нравится наша тема, спешу ее переменить:

– Двигатель заporол?

– Не, ты же знаешь, тут движок новый. Электропроводка ни к черту. Представляешь, по кольцу прем – вдруг дым в салоне. А я в третьем ряду, сразу по тормозам не дашь. Еле-еле на обочину вырулил. Капитан так пере пугался – чуть на ходу не выпрыгнул. Ну вот. Дым рассеялся, а что и где горело, не соображу.

– Если это с электропроводкой, зачем на карбюратор смотришь?

Лысиков пожал плечами:

– Так Кукушкин же сказал, что тебя вызовет...

Нет, положительно надо быть машиноненавистником, чтоб даже такую неисправность не найти. Сажа же осталась там, где замкнули провода... Минут через пятнадцать я повернул ключ зажигания, и жигуленок вышел из комы.

А из дверей серьезного заведения вышел Кукушкин. Кивнул мне:

– Спасибо, помощничек.

Я улыбнулся: и этот не признал.

– Что, товарищ капитан, – развеселился и Лысиков. – Без противогаза бойца не узнаете?

– Вот только теперь узнал. Зайдем, Кузнецов, ко мне, по-толкуем. – Я Кукушкина никогда не видел улыбающимся, и сейчас он серьезен.

Он показал мне спину, уверенный, что за этой спиной я и попрыгаю на двух задних лапах в его комнату номер десять.

Я и попрыгал. Опера – они ведь и в мелочах не ошибаются. Ну что мне делать, если не прыгать? Тяжело только это дается. О чем толковать будем? Может, пришла ориентировка по ювелирному и мент вспомнил, что есть среди его знакомых «обаяшечка»?

Нет, разговор пошел нормальный.

– Сколько косметологи берут за операцию?

– Еще не знаю, лечение не окончено, куча процедур предстоит.

А что я мог еще сказать?

– Ты правильно сделал, Кузнецов. Человек ты неглупый, башка у тебя варит... Закуривай, угощайся.

Это что-то новенькое, на такую дистанцию Кукушкин меня еще не допускал. Бойся данайцев...

– Невесту, смотрю, завел. Ничего девчонка, только смотри, чтоб чахоточной не была. Бледная уж очень.

Он не задает вопроса, но делает паузу и смотрит на меня так, что молчать нельзя.

– Северянка она. И потом, действительно приболела немного, на солнце не выходит.

– А ты на солнце выходишь?

Непонятный вопрос, на такой лучше промолчать и застенчиво улыбнуться: что, мол, сие означает?

– Искал я тут тебя как-то еще, Кузнецов. Водила очеред-

ной раз тачку заporол, я звякнул в твой автосервис, мне отвечают, пропал, никому ни слова не сказал.

– А чего говорить? Я решил уходить оттуда.

– Ты сколько там имел? Со всеми левыми?

– На водку хватало, на женщин нет.

Мент истолковал мои искренние слова по-своему:

– Не обижайся, я ведь не просто так спрашиваю. Машины новые скоро нам дать обещают, чуть ли не «мерседесы». Я бы тебя взял к себе, Константин.

Что же это за дела? По имени величает. Еще раз Бабашвили спасибо сказать надо? Новое лицо – новые отношения?

– У вас на окладе пахать придется день и ночь. А у меня иное на примете: заработаю сколько надо – и в кровать, книжки читать.

– Детективы?

– А что?

– Ничего, я тоже их люблю. Что последнее прочел?

Я решил, ничем не рискуя, получить бесплатную консультацию.

– Не помню автора. Там хотели дочь миллионера похитить, да ошиблись, взяли девицу без приданого. Думали, полиция ею не заинтересуется.

– Правильно думали. Если девица или ее родственники не накатают заявление в участок, то никому до нее дела не будет.

– Нет, один инспектор что-то заподозрил. Банда требова-

ла выкуп с миллионера, тот, естественно, не заплатил, поскольку платить ему незачем было, и инспектор догадался, что похитители ошиблись.

– Делать ему нехрена было, кроме как догадки строить. Тут вон без догадок бумага целый сейф... Чем все закончилось?

– Хотелось бы самому знать. Выписался из больницы и не дочитал.

– Нет, это не по мне. Я люблю крутые сюжеты. Но ты все же подумай над моим предложением, а?

Середина дня. Безоблачно, жарко. Самое время для крутого сюжета, что по сердцу Кукушкину.

Макс работает в магазине, в мясном отделе. Загородной виллы, дачи, дома в деревне у него нет. Значит, где он может хранить ворованные драгоценности? К кому, как не к нему относится пословица: «Мой дом – моя крепость»?

У Макса я бывал, дверной замок помню, отмычки изготовил – мастер я, в конце концов, или нет? Надо проверить. А для этого – проехать в Сабурово, зайти в нужный дом на нужный этаж...

Все получилось как надо. Дело за малым: найти в двух комнатах уголок, где хранятся товары из ювелирного магазина. Вещей и мебели у Макса немного: жена, когда уходила, своего не упустила, так что полки в стенке полупустые. И ничего интересного на них нет. Кухня. На тумбочке сто-

ит холодильник, в ней, естественно, овощи. Точно: пыльные сетки с картошкой, морковью. А в глубине – коробка из-под обуви. Ободранная такая коробка, помятая с боков. Вата под крышкой. Кольца и цепочки под ватой. Тут же и пистолет, тот самый «макаров», который я когда-то уже держал в руках. В этой же овощной тумбочке – коробка из-под конфет. Кто, интересно, хранит шоколад среди грязных овощных сеток? Хоть мы тогда, накануне моего отъезда к оптовику, и не составляли описи лежавших в коробке драгоценностей, я соображаю: это они самые. Неразумно поступил Макс, не перепрятал их. Коробка красивая, я ее ему и оставляю.

Пустую, конечно... Теперь пора уходить.

Замираю у дверей, отшатываюсь, влипаю в стену. Кто-то шурудит ключом в замке. Как же я, дурак, не учел одного: Макс работает рядом и на обед может прийти домой. Драгоценности я уложил в кейс, пистолет сунул в карман. Драться с Максом в мои планы не входит, но не стрелять же?! Он крепкий, гад, каждый день мускулы качает, когда разделывает туши. Поэтому остается мне одно: ударить точно.

Дверь открывается, Макс передо мной. Я бью рукояткой пистолета ниже уха. Будто всю жизнь этим занимался. Мясник падает, кажется так и не увидев меня.

И далее все идет по ранее намеченному плану. Захожу на почту в посылочное отделение, беру плотную бумагу, заворачиваю в нее обувную коробку. Получается аккуратная бандероль. Я своим корявым почерком подписываю ее: «Балушу

Борису Борисовичу». Но в общую очередь к приемщице не становлюсь, выхожу на улицу, сажусь в троллейбус и еду к знакомому уже мне ювелирному магазину.

Я в добротном летнем костюме, в огромных, на пол-лица, солнцезащитных очках. Я совершенно не похож на питекантропа, сбегавшего отсюда с чулком на голове месяц назад.

– Девочки, добрый день. Директор у себя? Борис Борисович?

Продавщицы хором отвечают: «Нет» – и подозрительно смотрят на меня. Они теперь на всех смотрят подозрительно, так что я не придаю этому особого значения.

– Передайте ему...

Брать намного приятней, чем отдавать. Настороженность пропадает. Они улыбаются:

– Что сказать? От кого?

– Внутри записка.

Записка действительно есть. В ней лишь два слова: «Отдающий долги».

4

Вот теперь наконец всё, теперь я могу начать жить по-новому. Драгоценности возвращены, пленница Настя освобождена, остается лишь отвезти ее в больницу к Бабашвили. Сегодня же вечером надо съездить туда, обо всем с ним договориться. Плата? Деньги Эммы и Толика у меня лежат по-

что нетронутые. Правда, я так и не рассчитался за покупки с Викой, не до того было. Но это даже к лучшему: мы встретимся еще раз.

Домой прихожу в пять вечера. Настя докладывает: никто не звонил, хотя телефон теперь и включен, и никто не приходил, за исключением бабы Вари. Та приносила картофельные блины.

– Вы о чем-то говорили с ней?

Настя нерешительно пожимает плечами.

Ясно, был разговор. О чем?

– Настя, мне сейчас все надо знать, понимаешь?

– У бабы Вари странный вкус. Она о тебе говорила: «Хоть и страшненький, но порядочный, душевный...»

– Плохой вкус? Ты сомневаешься в моей порядочности?

– Да нет, я о другом. Какой же ты страшненький? У тебя лицо такое... благородное, вот!

Я беру из стола конверт со своими старыми снимками и топаю в ванную. Нет желания рассматривать фотографии при Насте. Включаю душ, открываю конверт.

Господи, неужто жил такой на земле?

Щелкаю зажигалкой и подношу угол конверта с содержимым к огню. Сгорает Гнусавый. Сгорает все мое прошлое, я не хочу о нем вспоминать. Илье Сергеевичу скажу что-нибудь.

Чувствую, как меня прямо-таки валит с ног усталость. Надо отоспаться. И проснуться новым человеком, не отягощен-

ным дурными поступками.

– Вика, – прошу я по телефону. – Выручай. Ни один таксист не знает, как проехать к больнице Бабашвили.

– Правильно, – говорит Вика. – Такую больницу никто не знает. Это бывший цэковский особняк, туда, как понимаешь, добирались не на такси. И сейчас так не добираются.

Мы с полминуты молчим – мне сказать нечего, и когда она это понимает, то не совсем радостно продолжает:

– Ладно, горе ты мое, спускаюсь вниз прогреть мотор.

Увидев в моих руках коробку с дорогим коньяком, Вика предупреждает:

– Не вздумай Илье Сергеевичу вручать, не принято. Возьмет – может лишиться работы.

– Не лишится, – говорю я. – Ты же на него в Минздрав не напишешь.

– А Минздрав к нему никакого отношения не имеет. Эту лечебницу содержат богатые дяди и следят за тем, чтоб там был образцовый порядок.

– А тети богатые тоже в этом принимают участие?

Вика не поддерживает мой игривый тон.

– Если ты имеешь в виду меня, то я сама на содержании.

Она нахмурилась, сеточка легких морщинок окружила глаза. Дорога была пустая, Вика вела машину без напряжения, и я положил ей руку на плечо.

– Не надо, Костя. И вообще, давай договоримся: отныне

мы только друзья. Что было – то было, в прошлом, понимаешь?

– Почему?

– Потому!

И весь ответ. Мне кажется, ее, скорее всего, смущает мой возраст – она старше на пять лет. И другое может быть. У нее отлаженная жизнь, установившийся круг знакомых, близких. Вполне возможно, есть любимый человек. Я привношу во все это дискомфорт. Убираю руку, считаю мелькающие ели через боковое стекло.

– Не надо, не убирай. Мне так хорошо.

Вот и пойми их, женщин.

Поворачиваем с трассы на узкую грунтовку.

– На каком километре? – спрашиваю я. – Надо запомнить.

– Думаешь, надо?

– Почему бы нет? Вдруг еще что со мной приключится?

– Эх, Костик, Костик, – качает она головой. Понимаю, что она хочет этим сказать. «Какой же ты, мальчик, бестолковый, сюда ведь с улицы не пускают». Я догадываюсь об этом. Но ведь если я буду получать те деньги, которые обещает Падунец, то почему бы и не позволить себе поваляться здесь еще недельку?

– Вика, а во сколько здесь день обходится?

– Не знаю, я не платила.

Сухой ответ, холодный голос. Не нравится ей эта тема. Значит, не будем об этом.

Вика останавливает машину:

– Я здесь тебя подожду, грибов поищу пока.

Недоуменно озираюсь. Черт, действительно трудно заметить. Особнячок утопает в зелени. Еле видна тропинка к калитке. Между ней и мной вырастает парень в легком камуфляже – что-то я не встречал его, когда лечился. Или он знает, когда и пред чьими очами появляться?

– Разрешите документы.

Не спрашивает: куда, к кому... Хотя это понятно: дорожка в одном направлении идет. Он задерживает взгляд на фотографии, потом на мне. Видит шрамы и догадывается, почему оригинал несколько отличен от копии. Вынимает из кармашка радиотелефон:

– Четвертый, посмотри: Кузнецов Константин Иванович. Нет? – Охранник еще раз охватывает меня взглядом. – Спроси у Ильи, по виду пациент.

Меня где-то нет, не предусмотрено какими-то списками мое появление. А я-то надеялся, что с новым лицом будет совершенно все по-новому.

– Проходите.

Серьезная, не улыбкающая Света встречает меня внизу, встречает так, будто никогда раньше не видела. Поневоле глушу свою улыбку и поднимаюсь за ней в кабинет к Бабашивили. Света, как солдат-конвойник, останавливается у двери, я же топаю к сидящему за столом Илье Сергеевичу. Этот меня узнает.

– Пойдемте-ка, просветим вам челюсть... Хорошо, очень хорошо, но на прочность ее пока не испытывайте... Есть гри머ные кремы, пользуйтесь ими.

Вот и все, протянута рука для последнего рукопожатия. И слова никак нельзя вернуть о Насте, чтобы оно к месту было.

– Илья Сергеевич, а если мне еще потребуется ваша помощь...

– Нет-нет, вы уже без меня обойдетесь. – Он смотрит на бумаги, разложенные на столе. – Есть поликлиники по месту жительства... Но я не думаю, что вам понадобится их помощь.

Он даже не вспоминает о том, что просил фотографии. Я разворачиваю паспорт:

– Я был таким.

Он смотрит на снимок, потом на меня, молчит.

– Теперь вы понимаете, доктор, что вы для меня сделали?

– Я сделал неважную операцию. Я вас не угадал.

Чувствую, как сзади к столу крадется Света, тоже, наверное, посмотреть хочет. Я быстро прячу паспорт в карман.

– Мне все же хотелось бы с вами встретиться!

– Не исключено, – говорит Бабашвили и хлопает ладонью по кипе бумаг. – А сейчас, простите, у меня много работы. Всего вам доброго.

Строгая монашка Света провожает меня вниз. На прощание радуется:

– Мы снимаем вас с учета, больше сюда ездить не надо.

– А если опять под машину попаду?

Она очень серьезно смотрит на меня, без тени улыбки отвечает:

– Вам в таком случае надо попасть под нужную машину, а их в Москве немного.

Я это уже понял.

Вика лежит в траве на поляне, подставив солнцу оголенную спину. На капоте машины красуются семь подосиновиков в тугих ярких шляпах.

Мы, кажется, поменялись ролями. Вика теперь добродушна, меня же раздражает то слепящее солнце, бьющее в лобовое стекло, то духота...

– Ты чего нервничаешь? – спрашивает Вика.

Попробуй не нервничать, когда у тебя дома находится объект для охоты заядлых браконьеров, коих не останавливают никакие правила. Это я точно знаю, сам был таким. Что делать? Свести девчонку с Кукушкиным? Открою себя. Силой посадить ее в поезд, идущий до Кемерово? «О каком институте может идти речь, если тебя, Настя, хотят пришить? Езжай в деревню, паси гусей, дои корову...» Нет, эта сойдет на первой же станции и вернется. Хотя, конечно, дальше – уже не мое дело... Да нет, мое. Еще какое мое! Я же ее за-талкивал в машину.

– Высади у ближайшего метро, – прошу Вику.

– А краны? – спрашивает она. – Их починка, между прочим, обязательна при дружеских взаимоотношениях. Товарщеская помощь, так сказать...

Может, поговорить с Падунцом? Мужик он деловой, должен понять. Но он поймет и то, кем я был... Черт, одна-единственная ниточка осталась, связывающая меня с Гнусавым, и никак ее не разорвать. Голова уже гудит.

– Будут тебе краны. Но и ты удружи: выпей со мной коньяка, зря, что ли, таскал его весь день.

– Тут меня упрашивать не надо.

С сантехникой все оказалось не так просто: около часа провозился. Но как раз к этому времени Вика успела приготовить грибной суп.

Первая же рюмка коньяка немного расслабила. Но захотелось большего. Налил по второй, не успев толком закусить.

– У тебя проблемы, Костик?

Я промолчал.

– Честно скажи, ты обиделся на те мои слова? Костя, но это прежде всего я делаю ради тебя, чтоб завтра тебе не было так больно, когда...

Интересно, какие слова она ищет? А я свои уже нашел:

– «Тетя, ослабьте ошейник, довольно! Песику, тетя, не делайте больно...» Там дальше знаешь о чем? О том, что она его отпустила, он убежал из дому, но и ей, и псу стало от этого еще хуже. Ладно, Вика, по третьей – и я убегу.

– После третьей я тебя не отпущу, пока хорошо не заку-

сишь.

– А когда закушу – отпустишь?

Какие у нее все-таки красивые глаза. Изумруды. И вообще вся она... Нет, это точно: именно она приходила последние годы в мои сны, и я ее пробовал гнать оттуда...

– Ладно, друзьями станем с завтрашнего дня. Сегодня я тебя вообще не отпущу. – И она высвободила из-под халата голую коленку.

– Выпьем третью – и в кровать?

– Циник, – сказала она. И засмеялась. – Можно и до третьей, можно потом и после третьей...

Когда мы, разморенные, лежали на простынях, она уткнулась мне лицом в грудь и замерла. Через минуту я почувствовал, что она плачет.

– Ты что? Ну-ка, подними личико...

– Не надо, прошу... Дай я так немного полежу. Костя, Кости-ик! Ты с завтрашнего дня уже забудешь меня, да?

– Перестань, Вика.

– Не перестану, не перестану... Я все-все тебе расскажу... Мне тогда еще восемнадцати не было...

Вике не было восемнадцати, когда она в доме отдыха, на море, встретила Белакова. Красивый спокойный мужчина, танцевал, целовал ей руку. Катал на катере, угощал фруктами. Не приставал, не наговаривал ерунды. Когда она улетела домой, до самого трапа довез на машине. Он имел такие привилегии. Потом – встречи в Москве. Цветы, шампан-

ское, серебряный мерс, постель. Дорогие подарки, поездка за границу, в Берлин (сумел оформить то ли переводчицей, то ли секретарем). Два аборта в течение года. В качестве компенсации – эта вот квартира. Почему не женился? Да потому, что положение не позволяло, да у него и семья, двое детей. Правда, дети уже взрослые – он ведь на пятнадцать лет старше Вики... Словом, о разводах и свадьбах они старались не говорить. Его устраивала существовавшая ситуация. До некоторых пор – и ее. Пока она не поняла, что потеряла саму себя. Ей уже не быть матерью, не рожать. Ей не распоряжаться собой: старея, Белаков становился все ревнивее, за каждым шагом ее следил. Не стеснялся говорить: «Ты моя, я тебя купил». Начал по-черному пить. Начал при ней материться – никогда раньше этого не было. Ей же рассказывает о приключениях с юными любовницами. И тут же грозит: узнаю что – в порошок сотру. Он это может, у него большая власть, а денег – больше, чем власти. Всем этим и упивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.